

I
SEVEN DEFENSIONES
THE REPLY TO CERTAIN CALUMNIATIONS OF
HIS ENEMIES
BY
THEOPHRASTUS VON HOHENHEIM
CALLED PARACELSUS
TRANSLATED FROM THE GERMAN, WITH AN INTRODUCTION
BY
C. LILIAN TEMKIN

Four treatises of Theophrastus von Hohenheim, called Paracelsus: translated from the original German, with introductory essays by C. Lilian Temkin, George Rosen, Gregory Zilboorg [and] Henry E. Sigerist; edited, with a preface, by Henry E. Sigerist. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1941. pp. 2-41.

СЕМЬ DEFENSIONES (ЗАЩИТНЫХ РЕЧЕЙ)
ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ЛОЖНЫЕ ОБВИНЕНИЯ
СВОИХ ВРАГОВ
ТЕОФРАСТА ФОН ГОГЕНГЕЙМА,
НАЗЫВАЕМОГО ПАРАЦЕЛЬСОМ
ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА, С ВВЕДЕНИЕМ
ЛИЛИАН ТЕМКИН (C. LILIAN TEMKIN)

Перевод с английского G. Z.

Киев 2017

ВВЕДЕНИЕ

В 1538 году, спустя десять лет после ухода из Базеля, Парацельс вновь обосновался в течение нескольких лет в Австрийской провинции Каринтия, сделав её вторым домом. Прошедшие годы блужданий испытали конфликты с медицинскими факультетами университетов Лейпцига и Вены, в которых они успешно не допустили печати его работ. Теперь, однако, он полагает, что он находится в сочувствующем окружении и, поэтому это не пустое восхваление, которое он изливает на провинцию Каринтия, где ему обещают опубликовать три работы, которые теперь известны как Каринтийские писания: —

Первая Книга: Ответ на некоторые ложные Обвинения своих Врагов, или, как её чаще называют, Семь *Defensiones*.

Вторая: О Зablуждениях и Лабиринте Врачей, что они должны изучать в других книгах, чем до этого.

Третья: О Происхождении и Причине Песка и Камня, а также Лечение того же самого.¹

Результат его восхваления его очевидных покровителей является в действительности трогательным. Существует безотлагательная необходимость издания работы, и всё же, несмотря на обещание напечатать её немедленно, рукопись лежала в ожидании в течение двадцати пяти лет. Лишь энтузиазм Парацельсиста следующего поколения, д-ра Теодора Биркманна (*Dr. Theodor Birkmann*), поддержанный официальным запросом правительства в Вене, нашёл утраченную рукопись, которая была затем опубликована в Кёльне в издательском доме отца Биркманна, Арнольда Биркманна (*Arnold Birkmann*), в 1564 году.²

Первое из этих Каринтийских писаний теперь предлагается в английском переводе: *Seven Defensiones*, которое содержит в сравнительно небольшом объёме квинтэссенцию Парацельсианской философии.

В возрасте сорока пяти лет Парацельс чувствует себя постаревшим прежде времени. Всю свою жизнь он не соглашался с медицинскими властями, и он полагает, что он должен раз и навсегда ответить на их обвинения и защитить свой собственный способ мышления. Очевидно, что такая защита более чем вероятно превратится в атаку на своих оппонентов, и Парацельс полностью раскрывает свой гнев против традиционалистов, схоластических врачей, “софистского легиона”, как он называет их, и даже гуманистов, чьи придирки касательно терминологии, лишь вызывают его презрение. Он воспринимает величавое наследие медицины, как исходящее от Аполлона (*Apollo*), Махаона (*Machaon*), Подалирия (*Podalirius*) и Гиппократы, которые творили чудеса в Свете Природы. Этот Свет Природы является светом, который находится в природе, раскрывающий её сокровенное бытие и скрытые глубины; это, следовательно, руководящий принцип всех познаний природы.³ Но медицина пала среди анти-врачей, и её передачу из своих рук, является миссией, которую Парацельс берёт на себя. И в действительности, в свете этой миссии, преступления, которыми его оппоненты обвиняют его, неизменно должны проявиться в качестве неперемных добродетелей.

Он был обвинён в неуважении медицинской традиции, и он высмеивает уважение к медицинской системе из-за её лишь возраста, ибо новые времена требуют новую медицину. Такое установление Парацельса для работы в настоящем и игнорирование прошлого отражается в его астрологических верованиях. Для средневекового астролога, а также для Парацельса, небесная твердь не является лишь мерой времени, но и неразрывно связана со всеми событиями во времени и, в действительности, он изменяет своё влияние по мере старения. Парацельс полагает, что каждый век наделён своими собственными возможностями и своей собственной судьбой, и что единственная обязанность человека — работать в своём собственном веке, чтобы реализовать свои возможности и исполнить свою судьбу. Вместе с тем он, по-видимому, использует

¹ Ср. Huser, стр. 143.

² Ср. Sudhoff (1928), Vorwort, стр. viii-xi.

³ Ср. Bodo Sartorius Freiherr von Waltershausen, *Paracelsus am Eingang der deutschen Bildungsgeschichte*, Leipzig, 1936, стр. 104.

современную ему историческую терминологию ‘мир-монархии (world-monarchies)’, концепции, полученной из разделения человеческой истории на четыре ‘монархии’ Святым Иеронимом (St. Jerome).⁴ Он отказывается от подразумеваемой идеи ограничения мировой истории к лишь четырём периодам, из которых последняя была синонимом Римской Империи – ограничение, давно устаревшее в своё время, но сохранившееся у большинства историков – и говорит о ‘многих’ монархиях, вновь наполняя старый термин новым значением ‘эпохи’.

Не их возрастом, но их плодами, т. е., их работами, медицинские системы будут оценены, согласно Парацельсу. Лже-врач, он видит сокрытие своего невежества позади бессмысленных действий, или эксплуатации доверчивых крестьян, чтобы жить роскошно. Истинный врач, с другой стороны, знает, что делать и делает это быстро. Он честен в своих отношениях со своими пациентами и искренен в своём поиске дальнейшего знания. Для него нет никаких неизлечимых болезней, и даже любое такое утверждение может показаться ему нечестивым. Он познаёт Бога, чтобы он мог лечить все болезни, даже самые поразительные и удивительные. Для Парацельса практика медицины является исключительно религиозной функцией. “Врач”, говорит он, “это тот, кто в телесных болезнях занимает место Бога и оказывает помощь за Него”. (стр. 8) И действительно, религиозный аспект его философии окрашивает не только его медицинское мышление, но также его литературное выражение. Для него врач должен быть мотивирован Христианской заповедью, любить ближнего своего; он должен признавать Бога единственным истинным источником медицинского искусства, и должен принять передачу Богом природных ресурсов в смирении, и стремиться расширить своё знание об этом. Истину следует искать как в природе, так и в Священном Писании, и Семь *Defensiones* непосредственно свидетельствуют о постоянном взаимодействии двух источников знания в медицинской системе Парацельса. Иллюстрации медицинских аксиом неизбежно выводятся из притчей Христа, и эта техника иногда приводит к параллелизму аргументации, которая кажется неясной для современного читателя, но которая проливает значительный свет на Парацельсианское мышление, когда его логика понята.

Парацельс защищает своё введение новых наименований и новых рецептов и своё описание новых болезней. Неприятие этих новых болезней старыми врачами он категорически приписывает к их игнорированию астрономии. Новые наименования он оправдывает на том основании, что старые слишком сложны в отношении лингвистического происхождения – не то, что не понимает каждую составную часть, ибо любой простой учёный может прочитать такие наименования, как даны древними – но составная терминология бессмысленна и, кроме того, искажается от деревни до деревни. Парацельс предпочитает переименовывать болезни, ища не риторичность или латынь в них, но медицину, о которой старые наименования не дают ему никаких объяснений.

Но самый большой протест против Парацельса был направлен против его новых рецептов. Он был обвиняем на протяжении всей его жизни в использовании яда и это обвинение нацелено на химический аспект его медицинской системы. Парацельс был непреклонен в своём утверждении, что врач должен быть химиком, а оппозиция к его практикам надолго пережила самого Парацельса. Использование неорганических, особенно металлических, элементов во внутренних лекарствах подвергалась нападению как неестественное и ядовитое более чем столетие, и аргументация нашла одно из самых острых выражений в знаменитой битве Парижского факультета о сурьме. Парацельс доказывает несостоятельность предмета спора на основании того, что все вещи являются ядовитыми, если принимать без соблюдения их надлежащей дозировки. Более того, он обвиняет своих оппонентов в использовании ядов тоже, и, что ещё хуже, не зная надлежащей дозировки.

Парацельса обвиняют в том, что он странник, нигде не проживающий; но этого факта он гордился, а не стыдился. В действительности, странствие являлась для него не только образом жизни, но и выражением философии. Это единственный обоснованный способ увеличить познание врача; кроме того, это познание, ‘*Erfahrung*’, должно пониматься не только во вторич-

⁴ Ср. Ernst Brehme, *Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*, Leipzig, 1903, стр. 66-67.

ном смысле ‘опыта’, но в первичном смысле тоже, ‘опыта, полученного путешествием’.⁵ Только свидетельством своих чувств он может быть истинно информирован; он должен изыскивать природу и исследовать новые болезни, ибо свой учитель не может быть найден в своём собственном уютном уголке. Ясность убеждений Парацельса в этом отношении отражается в его памятных словах о *Codex Naturae* в конце Четвёртой Защитной Речи.

Лже-врачи всегда изображены как богатеющие; они избалованы невежеством людей и делают всё ради эгоистической выгоды, ничего для любви, как заповеди желаемой. В этом преувеличенном осуждении Парацельс, похоже, не знает никаких исключений среди его предшественников и современников со времён Гиппократов; ибо его яд выбирает еврейских врачей для нападения, которое озвучивает средневековое предубеждение против их народа, точно так же, как образ Шекспировского Шейлока. Как он презирает мотивы “лже”-врачей, так он презирает их манеры. Они обвиняют его в том, что он странный, угрюмый человек, но он гордится этим отличием и утверждает, что вежливость является наименьшим требованием врача. Они скрывают своё отсутствие знания мирских манер; он уделяет большое внимание своим работам и требует, чтобы медицина была достаточно открытой для местных манер всех практиков. В этом утверждении со стороны Парацельса об исполнении работ, как единственно истинной важной функции врача, и самих работ, как единственно истинного критерия, по которому можно судить о его заслугах, мы видим появление Протестантской этики, несмотря на собственный Католицизм Парацельса. Это придаёт глубокий смысл его репутации, как ‘*Lutherus medicorum*’, и силе его языка, несмотря на ограничения немецкого языка в его дни, ещё более усиливая сходство между двумя великими современниками.

Аптекари жалуются, что он чудной и эксцентричный, и, тем не менее, всё, что он делает – это требование хороших снадобий (*drugs*) и отвержение их *Quid pro Quo*, т. е., их пригодных заместителей для предписанных лекарств, и написания коротких рецептов, которые не опустошают ящики аптекарей достаточно быстро, чтобы набить свои карманы золотом в привычной для них норме. Его обвиняют, также, медлительным в диагнозе, и всё же это он считает преимуществом (*virtue*). Лишь последователи Галеновой доктрины четырёх гуморов диагностируют скрытые болезни быстро, и с какими ужасными результатами!

Итак, Парацельс оправдывает свои методы “в последний раз до дальнейших провокаций, которые, если будет угодно Богу, будут также возвращены ударом на удар”. Он защищает себя с глубокой искренностью, с убеждением, основанным на почти наивном сочетании смирения перед Богом и природой, и гордостью за свои собственные достижения. Он требует от медицины и врача программы Христианской любви и сострадания, и знания, которое не может быть извлечено у схоластических авторитетов, которых он презирает, но из исследования и эксперимента.

Семь *Defensiones* не лишена трудностей для переводчика, ибо горечь автора зачастую сгущается в самых грубых метафорах и его стиль становится сразу же резким и туманным, но страстность этого научного революционера не может не поражать воображение читателя. В то же время следует признать, что несколько отрывков не поддаются ясному объяснению, и здесь я посчитала, что слишком свободная и логическая интерпретация будет лишь исказить всю картину. В начале шестнадцатого столетия немецкий язык был весьма несовершенным инструментом литературного выражения; он изобилует неуклюжими оборотами речи, грамматически неполными предложениями и полной несогласованностью в отношении родов, использовании слабых окончаний и т. д. В этом качестве он преподносит переводчику задачу интерпретации, намного превосходящую интерпретирующий элемент, скрытый в переводе современного текста. Этот элемент был разрешён таким образом, например, в латинской версии Семи *Defensiones* эти два текста с трудом сопоставимы. Я прибегала к такой крайней интерпретации лишь в тех немногих случаях, когда идиоматическое выражение или игра слов не могли быть воспроизведены каким-нибудь буквальным способом; тем не менее, мой перевод не претендует на исключение из общего характера ‘интерпретации’, который казался бы неизбежным при любом

⁵ Ср. Friedrich Gundolf, *Paracelsus*, Berlin, 1927, стр. 16-20.

подходе к пониманию Парацельса, независимо от используемого языка. И всё же я попыталась сохранить как можно больше стиля и лингвистического качества, как это было возможно, и с этой целью я сохранила столько же вкрапленных латинских выражений, которые легко вписываются в английские предложения. Где изменения в латинской форме были бы необходимы, латынь была переведена, а английский перевод писался с заглавной буквы, и все собственные имена были даны на английском языке.

Перевод был основан на издании Иоганна Хузера (Johannes Huser):

Der Buecher und Schrifften des Edlen... Philippi Theophrasti Bombast von Hohenheim Paracelsi genant, Ander Theil, Basel 1589, pp. 157-190.

Кроме того я принимала во внимание:

Издание Биркманна: *Drey Buecher Durch den Hochgelerten Herrn Theophrastum von Hohenheim Paracelsum genant*, etc., Coeln 1564, pp. 1-52. (Факсимильное издание, Leipzig 1928).

Aur. Philip. Thcoph. Paracelsi . . . Opera omnia medico-chemico-chirurgica, Volumen primum, Genevae, 1658, pp. 248-264.

Theophrast von Hohenheim (Paracelsus), Sieben Defensionen, etc. Eingeleitet und herausgegeben von Karl Sudhoff, Leipzig 1915. (Klassiker der Medizin, herausgegeben von Karl Sudhoff, Bd. 24). Оно будет цитируемо как Sudhoff (1915).

Theophrast von Hohenheim gen. Paracelsus, Saemtliche Werke. I. Abteilung herausgegeben von Karl Sudhoff, 11. Band, Muenchcn und Berlin 1928, pp. 125-160. Оно будет цитируемо как Sudhoff (1928).

ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ЛОЖНЫЕ ОБВИНЕНИЯ СВОИХ ВРАГОВ (СЕМЬ ЗАЩИТНЫХ РЕЧЕЙ (DEFENSIONES))

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧИТАТЕЛЮ ВЕСЬМА Учёного Господина
АУРЕОЛА ТЕОФРАСТА ФОН ГОГЕНГЕЙМА,
ДОКТОРА ОБОИХ МЕДИЦИН

Читатель, обрати внимание, что я могу сказать тебе, почему эти *Defensiones* были написаны мною. Поскольку Бог дозволил духу медицины появиться в своих основах через Аполлона, через Махаона, Подалирия⁶ и Гиппократу, и дозволил свету природы работать без затемнённого духа, превосходящие чудесные великие дела, великие *Magnalia*⁷, великая *Miracula*, были исполнены через Мистерии (Mysteries), Эликсиры (Elixirs), Арканы (Arcana) и Эссенции (Essences) природы, и медицина была чудесно постигнута немногими благочестивыми людьми, о которых было сказано выше. Поскольку, однако, Дьявол со своими плевелами (corncockles)⁸ и своими сорняками ничего не допускает к произрастанию для нас в чистом пшеничном поле, медицина была затемнена первым духом природы и пала среди анти-врачей, и стала столь запутанной людьми и софистикой, что никто не смог продвинуться так далеко в работе, как Махаон и Гиппократ это делали. И в медицине то, что не подтверждено делами, потеряло своё обсуждение и приобрело гораздо меньше от довода. Теперь, мой Читатель, обрати внимание: если бы действенная доктрина становилась бы против софистского легиона, разве она не была бы обоснована, с тем чтобы работа могла бы сокрушить сплетни? Догадайся к тому же, Читатель, о ком я говорю. Это святые, кто не подают вида. Толпы и скопление народа могли бы напугать многих, так что он бы воздержался от закрытия рта болтуна. Но результат и возвращение по своим стопам, что никакого значения не должно быть придано скоплению народа. От него возникает заблуждение, что Гиппократ неизбежно сплетничал и дух истины в медицине должен стать софистским болтуном. Ибо, что там есть столь многое для сплетни? Из этого сброда, некоторые позволили своим ртам быть слишком поспешными и имели защиту себя здесь позорными словами, а так как они взяли медицину в свои рты, они должны защищать себя своими ртами, которые ничего не могут сделать, кроме оскорбления и клеветы. Такой *Lingua dolosa*⁹ нападает на меня тоже. Но необходимо не оставлять их без ответа в этих вещах, поскольку они не построены на первых скалах медицины, но поместили себя на кухонную скалу (kitchen rock)¹⁰, и забыли истину медицинского искусства, и поносили меня и других вокруг в фальшивых масках с их софистскими Баснями. Если бы человек был посвящён первому *Centrum*¹¹, то такое оскорбление не исходило бы от него. Их лучшим искусством является их риторика и её разновидность, и присущие качества (virtue), относящиеся к Псевдо-врачам. Для чего, Читатель, эти ответы следуют ниже, для того и с тем, чтобы ты мог быть в состоянии вынести решение по этому вопросу. Хотя нет необходимости опровергать утверждения этих людей: можно было бы позволить им оставаться поэтическими врачами, риторическими писателями рецептов и мутными приготавливателями: со временем люди утомились бы ими. С тем, чтобы, однако, это могло быть понято, что врач является никчёмным без дел и, что работа врачей не есть пустой разговор, вот ради научения этим вещам, имею я предпринять это. Так вот, дорогой Читатель, поскольку было воспрепятствовано мне для публикации моих писаний, я имею представить это Каринтии, эрцгерцогству, дабы это достигло бы тебя через этих самых достойных господ, где бы ни был ты в мире, тебе дозволено получить это. Ибо, без этой провинции, Читатель, это не попало бы тебе в

⁶ Махаон и Подалирий – легендарные врачи, которые сражались в Греческой армии до Трои.

⁷ Т. е., деяния чудесные.

⁸ Ср. Sudhoff (1915), стр. 13, сноска.

⁹ Т. е., лживый язык.

¹⁰ Вероятно, подразумевается, что их медицина основывалась лишь на кухне аптекаря.

¹¹ Что касается смысла ср. Von Waltershausen, l. c., p. 58 ff.

руки. Люби, поэтому, *Theoricam* в этой работе, но всё же, намного больше работы искусства. Изложено в письменной форме в Санкт-Вайте (Sanct Veit) в Каринтии, в 19-ый день августа 38г. меньшего счёта (*lesser reckoning*).¹²

ПЕРВАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ В РАСКРЫТИИ НОВОЙ МЕДИЦИНЫ ДОКТОРА ТЕОФРАСТА

Так, здесь в этой работе я представляю новую *Theoricam*, также *Physicam*, вместе с новыми Концепциями, которые прежде никогда не были отмечены, и не поняты Философами, Астрономами, ни Врачами, это происходило по причинам, которые я должен теперь установить для вас: – Одна из причин, например, та, которая в достаточной мере доказана, а именно: то, что старые *Theorici*, описывающие *Rationes* и *Causas Morborum*, неверны и неточны, и тем самым вносили определённое заблуждение, и так подтверждали это заблуждение, что оно сохранялось и считалось справедливым и неопровержимым. И это настолько глубоко укоренено и так направлено и сохранено, что никто не может больше искать альтернативу, или то же самое полагать заблуждением. Об этом я хочу оповестить вас, ибо я обязан судить такое обстоятельство, как великую глупость: так как небеса беспрестанно переносятся и создают *Ingenia*, новые *Inventiones*, новые *Artes*, новые *Aegritudines* в свете природы, они не должны быть, в таком случае, также действующими? Какова польза от дождя, который выпал тысячу лет назад? То, что выпадет теперь, будет полезным. Какова польза настоящему году от хода Солнца тысячу лет назад? Разве Христос не объясняет, как нам судить об этом, говоря: достаточно, что день текущий несёт своё собственное ярмо (*yoke*)? Что равносильно тому: довольно того, что ты делаешь то, что день приносит и то, что ты заключаешь, что завтрашний день тоже будет иметь свои собственные заботы. Так вот, поскольку забота появляется отличное от других [забот], и каждый день имеет XII часов, и каждый час своё отдельное действие, какой вред, в таком случае, делает двенадцатый час для первого, или каковой помехой для первого является двенадцатый? Таким образом, всё располагается в своё собственной *Monarchiam*¹³ в соответствии со своим временем. И относительно настоящего мы должны утруждать себя, а не относительно прошлого. И каждая *Monarchia* обеспечена полным светом природы. Это есть чудеса Бога: дабы изменить свет природы во многих *Monarchias* между началом и концом мира, что зачастую остаётся без внимания, и люди не действуют в соответствии с тем, что содержится в этих монархиях. Поэтому я, в силу настоящего света природы, и в соответствии с предопределённым порядком существующей монархии, я буду не упрекать любого в моём писании, и ещё меньше нападать и препятствовать из-за софистики, которую я называю заблуждением в медицине.

Их глупость я должен лучше изобличить ради возвещения моих доводов и их заблуждения, и в этих университетах не свергнут меня и это, в таком случае, доведу до них. Медицина – это работа, а так как она является работой, эта работа будет свидетельствовать о своём мастере. Так вот, посмотрим в работах, как каждая часть познаваема и оцениваема: работа – это искусство, искусство даёт доктрину работы, так что искусство действует на исполнение этой работы посредством своей доктрины. Так вот, вопрос в том, является ли доктрина врачей университетов искусством медицины, или же моя: это будет подтверждено посредством работ. Теперь примите к сведению то, что Христос возлагает на нашу философию – и для нас является необходимостью понимать это – Христос, кто не только обновил извечный свет среди смертных людей, но также и природный свет, говоря: Лжепророки и Лжехристы восстанут и т. д., и будет дано и исполнено множество знаков; таким образом, хотя лжеврачи тоже исполняют знаки, как они могут утверждать, это, тем не менее, не является аргументом против истинной медицины. Ибо, подобно тому, как Моисей и *Malefici*¹⁴ были расположены друг против друга в своих работах, так тоже истинное и ложное основание медицины. Так что теперь я даю истинное указание, как распознать мои *Adversam partem* и меня в этих работах, и работы, найденные среди ложных тоже, как Христос говорит *De Prodigiiis et Signis*. Итак, я буду проводить различие между ними

¹² “Der mindern zal 38 [1538]”, Sudhoff (1928), p. 126. “Numerus minor” указывает число лет после 1500 года.

¹³ Ср. Введение, стр. 2 и далее.

¹⁴ Т. е., волхвы.

для вас таким образом: Если был бы человек больной лихорадкой, обусловленной окончанием в хii недель, и в то время было бы с этим покончено, и если бы случилось так, что больной человек истребовал медицину (medicine) для вытеснения этой лихорадки до её определённого завершения, то он имел бы два вида врача пред собой, лживого и истинного. Ложный действует следующим образом: он начинает постепенно и медленно лечить его, тратит много времени на Сиропы, на Слабительные средства (Laxatives), на очистительные (purgatives) и овсяные кашицы, на ячмене, на тыквах, на Дыни (Melons), на воду с сиропом (julep) и другую такую ерунду, медленно и зачастую назначает клизмы, сам не знает, что он делает, и тем самым тянет со временем и увещевает словами, пока он не подойдёт к сроку. Затем он непосредственно относит это к завершению искусства. Но знайте истинного врача, кроме того: он делит этот *Terminus*¹⁵ на хii частей, а полтора он принимает для своей работы, и т. д.

Имеет место, кроме того, большое непонимание, которое сильно вынудило меня написать эту работу, а именно: они говорят, что болезни, к которым я обращаюсь в этой работе, являются неизлечимыми. Так вот, лицезрите их большую глупость: как может сказать врач, что болезнь, в которой нет смерти, не может быть излечена? Так они говорят о *Podagra*, так о падучей болезни. О! глупцы вы, которые есть, кому вы пытаетесь говорить, что ничего не делаю и ничего не знаю? Почему вы не принимаете во внимание слова Христа, когда он говорит, что больной нуждается во враче? Разве они не болеют, кому вы отказываете? Я так думаю. Так вот, если они больны, поскольку это подтверждено, тогда они нуждаются во враче. Так вот, если они нуждаются во враче, то почему вы говорите, что им нельзя помочь? Именно для этого они нуждаются в нём, чтобы им могла быть помощь через посредство врача. Почему же тогда они говорят, что им нельзя помочь? Они говорят это, так как они были рождены заблуждением медицины, а недостаток понимания – это мать, которая их родила. Каждая болезнь имеет своё собственное лекарство. Ибо Бог желает дивно предстать в болезни, например, в падучей болезни, в параличе, в пляске святого Витта, во всех других, о которых здесь нет необходимости упоминать. Ибо Бог это, кто заповедовал: Возлюби ближнего своего, как самого себя, и ты должен любить Бога, прежде всего. Так вот, если ты любишь Бога, то ты должен также любить дела Его. Если ты полюбишь ближнего своего, то ты не должен говорить: тебе нет помощи. Но ты должен сказать: я не могу сделать это, и я не понимаю этого. Эта истина ограждает тебя от проклятия, которое обрушивается на ложь. Так, обрати внимание на то на то, что тебе сказано; остальное нужно искать до тех пор, пока не будет найдено искусство, от которого добрые дела исходят. Ибо, если Христос говорит: *Perscrutamini Scripturas*¹⁶, то почему я не должен говорить об этом: *Perscrutamini Natures Rerum*¹⁷?

Поэтому я желаю защитить себя в том, что я правильно показываю и раскрываю новую медицину в соответствии с теперешней Монархией. И хотя было сказано: Кто учит тебя так делать? Я спрашиваю тебя: Кто учит листву и траву днём расти? Ибо Тот Же Самый сказал: Придите ко Мне и научитесь от Меня, ибо Я милосердный и смиренный в сердце. От Него проистекает основание истины, а то, что не исходит от Него, является тлением. Дьявол есть *Mille Artifex*, в ком пребывает множество ложных *Signa* и *Prodigia*, кто не успокаивается, кто преследует нас, подобно рычащему льву, чтобы сделать лжецов из нас, также как себя.

Вы не должны быть удивлены тому, что в конце этой защитной речи я обращаю ваше внимание и указываю на Того, кто сказал: ‘Я кроток и смирен сердцем’, дабы вы научились медицины от Того, Кто единый учитель вечного. Но, что есть в нас смертное, которое не достигает нас и не приходит к нам от Бога? Он, Кто учит вечному, учит также смертным вещам, ибо они имеют общее происхождение. И хотя верно, что вечное учение произносилось в словах, а медицина ещё нет, всё же, когда Он говорит: ‘Больной нуждается во враче’ и ‘Врач от Бога’, как врач не может признавать Его, как своего учителя, от Кого он приходит? Врач – тот, кто в телесных болезнях занимает место Бога и оказывает помощь за Него, и поэтому он должен иметь

¹⁵ Т. е., предопределённый период.

¹⁶ Т. е., исследуйте Священное Писание.

¹⁷ Т. е., исследуйте природу вещей.

от Бога то, для чего он способен. Ибо, так же, как лекарство не от врача, но от Бога, так и искусство врача не от врача, но от Бога. Однако, есть три вида врачей: один вид рождается от природы, предоставляемый небесными врачами, зарождаемый под влиянием созвездия, точно так же, как *Musici* и *Mechanici*, *Rethorici* и *Artes* рождаются. Кроме того, к тому же, другой вид: эти врачи те, которые научены людьми, воспитанные в медицине и обучены в ней, насколько возможно для людей научиться, или согласно их способностям. Третьим является вид, данный Богом, и они имеют научение от Бога. Как Христос говорит: Каждый книжник будет обучен Богом: то есть, то, что мы можем делать, мы имеем от Бога. А так как медицина выпускает своих *Professores* тремя путями, никто не должен видеть, если они не согласны в своей Теории и Концепциях? В работе все они удостоверяют и определяют окончание и *Terminum*. Природа даёт свой вид, как зачатие, полученное её влиянием: человек тоже учит согласно своим способностям. Бог учит согласно Его воле. Лишь это есть заключением обо всех этих вещах: это, человек, кто желает научить людей, должен получить свою учёность от Бога и от природы, и от того же самого должны люди учиться. Любое обучение, происходящее иначе, чем из источника, такое же, как указано в следующем заблуждении.

ВТОРАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ, КАСАЮЩАЯСЯ НОВЫХ БОЛЕЗНЕЙ И *Nomina*, ВЫШЕУПОМЯНУТОГО ДОКТОРА ТЕОФРАСТА

Для оправдания и защиты себя, для прикрытия себя, в этом я опишу и изображу новые болезни, никогда прежде не описываемые, и новые *Nomina*, никогда прежде не используемые, но данные мной: Примите во внимание, поэтому, почему это происходит – это из-за новых болезней, которые я могу указать им. Я опишу безумный танец, который обычный человек называет пляской святого Витта, также тех, кто убивает себя, также ложные заболевания, которые случаются посредством колдовства, а также одержимых людей. Мне представляется несправедливым, что эти болезни никогда не должны были быть описаны медициной, что о них нужно было забыть. Но то, что вынуждает меня делать это и приводит меня к этому, является тот факт, что астрономия, которая до сих пор никогда не принималась врачами, учит меня распознавать такие болезни. Если бы другие врачи были бы так опытны в астрономии, то они были бы объяснены и открыты всецело задолго до меня. Поскольку, однако, *Astronomia* отклонена врачами, эти болезни и многие другие, вместе с их истинными причинами, не могут быть ни распознаны, ни поняты. Так как ныне медицина других авторов не вытекает из источника, из которого медицина берёт своё начало, начала и источника, о котором я могу гордиться, разве я, в таком случае, не имею авторитета писать иначе, чем другой писатель? Каждому дано говорить, советовать и учить, но не каждому дано говорить и учить вещам силы (*things of strength*). Ибо вы знаете, что Евангелие тоже свидетельствует о том, что, когда Христос учил, Он говорил как Тот, кто имел авторитет, а не как книжники и лицемеры. Такой авторитет следует уважать, как удостоверяющий себя делами, если кто-то недоверчив слову. Поэтому я хорошо осведомлён, что мало кто может описать подробно, как вещь сформирована, если он никогда не видел это своими глазами, по сравнению с человеком, кто видел это своими глазами, поэтому то же самое суждение будет вынесено здесь между теми, кто говорит без довода и теми, кто говорит с доводом. Это не менее, как с больным человеком; он имеет отношение к врачу, и, справедливо, что все болезни должны быть признаны им. Однако, что врач не может знать в одном, то он должен знать в другом. Ибо, таким образом тоже были распределены одарённости Апостолов, и которые даны каждому, в чём он гордился: то, что не дано ему, не является позором для него. Ибо, как Бог желает каждому человеку быть, таким он остаётся. Другие авторы не могут гордиться такими одарённостями: они радуются в своих сроках (*term*), а то, что они не могут выполнить через *Terminum*, они говорят о невозможности излечения.

Кроме того, то, что защищаю себя, так как я пишу новые *Nomina* и новые *Recepta*: в этом вы не должны удивляться. Это происходит не из-за моей простоты или невежества; напротив, каждый может хорошо понимать то, что любой простой учёный может прочесть такие *Nomina*, как были даны Древними, также их рецепты, по бумаге и распознают их. Но то, что отталкивает

меня от них, является тем, что *Nomina* собраны и составлены из столь различных языков, что мы никогда не сможем удержать вещи такого рода в своих головах. И сами они не понимают и не распознают свои собственные *Nomina*; кроме того, на немецком языке *Nomina* изменяются от одной деревни к другой. И хотя некоторые люди писали *Pandectas*¹⁸ и так далее, они неожиданно обнаруживали другие вещи, которые, я полагаю, не находятся во мне. И это по многим причинам. Чтобы я должен хотеть поставить себя в такую опасность и должен с готовностью вступить в такое незаверенное обучение, этого моё сознание не будет делать. Ибо, в этих же самых авторах ни одна глава не свободна ото лжи и великих заблуждений, но нечто находится там, что портит всё это. Как же тогда эти авторы должны понравиться мне? Я не ищу *Rhetoricam* или латынь в них, но я ищу медицину, о которой они не могут дать мне никаких объяснений. Так тоже и с рецептами (*prescriptions*), они говорят, что я пишу им новые рецепты (*receipts*) и ввожу новую процедуру. Как они сказали мне в лицо: я не должен использовать ничего чужого, согласно значению десятой заповеди Бога: Ты не должен желать чужих вещей. Поскольку теперь они обвиняют и ругают меня как грешника против десятой заповеди, то необходимо для меня выявить, что является чужим или не чужим. А именно, то, что человек не входит правильной дверью, является чужим; то, что человек берёт то, что принадлежит не ему. Например, то, что человек называет себя врачом и не является им, то, что доктор человека с вещами, в которых нет никакой медицины. Должен ли я быть обвинён в возможности раскрыть эти хитрости?

Далее, то, что я должен писать об одержимых людях, является совершенно неуютным для них, и всё же я делаю это не по этой причине. Так как пост и молитва изгоняют злых духов, я полагаю, что особо рекомендуется для врача сначала искать царствие Божье, и впоследствии в чём он нуждается, будет дано ему. Если это дано ему через молитву, чтобы сделать больного здоровым, то предоставьте этому хорошее очищение. Если это даётся ему через пост, то предоставьте этому хорошую *Confortativum*¹⁹. Скажите мне одну вещь: Медицина находится лишь в травах, дереве и камнях, а не в словах? Тогда я скажу вам, каковы слова. Что это такого слова не могут сделать? Как болезнь есть, так также есть и медицина: если болезнь вверена травам, то она будет излечена посредством трав. Если она подчинена камням, то она будет также подпитана при них; если она является объектом поста, то она должна быть изгнана постом. Одержимость – сильная болезнь. А так как Христос демонстрирует лекарство, почему я не должен исследовать то же самое писание, как то, что рецепты содержат и что находится в этой болезни? Небеса делают болезнь: врач изгоняет её вновь. Так вот, точно так же, как небеса должны уступить врачу, так тоже должен дьявол отступить посредством правильного упорядочивания медицины. Недавние и современные врачи ведут себя так же, как и они, так как говорливый Месу (*Mesue*)²⁰ не думал о таких вещах, ни другие, чьи *Aemuli* они есть.

Я был обвинён тоже, что касается предоставления болезням новые *Nomina*, которые никто не распознаёт, и ни понимает. Почему я не придерживаюсь старых Имён? Как я могу использовать старые *Nomina*, когда они не получены из первоисточника, от которого болезнь возникает, но являются лишь (Супер-) *Sur-nomina*, о которых никто в самом деле не знает, правильно ли он называет болезнь этим наименованием или нет. Поскольку, в таком случае, я нахожу и распознаю такое неопределённое основание, почему я должен брать на себя столь много хлопот из-за *Nomina*? Если я понимаю и распознаю болезнь, то я могу сам создать имя для ребёнка. Почему я должен говорить *Apoplexis* или *Apoplexia*? Или, почему я должен беспокоиться является ли *Paralysis* продуктом или тлением (*corruption*)²¹, или *Caducus fulguris* называется ли *Epilentia* или *Epilepsia*? Или какая для меня забота, будет ли это *Graecum*, *Arabicum* или *Algoicum*²²? Я заинтересован лишь в том, чтобы выяснить происхождение болезни и её лечение, и установить

¹⁸ В четырнадцатом столетии, например, Маттео Сильватико (*Matthaeus Sylvaticus*) написал “*Pandectae Medicinae*”, справочная книга, расположенная в алфавитном порядке.

¹⁹ Т. е., укрепляющую медицину.

²⁰ Парацельс, вероятно, обращается к средневековой фармакологической работе, предположительно написанной неким Месу (*Mesue*).

²¹ “*corruptiert*”, Вурцманн, р. 16.

²² Т. е., диалект Альгой (*Allgaeu*) в Баварии.

связь наименования с этим. Это те вещи, которые лишь попусту теряют время на бесполезные разговоры.

Для информирования вас далее касательно новых болезней, о которых я, так или иначе, возвещаю: есть всё же больше причин, которые вынуждают поиск новых болезней. К примеру, небо имеет различное действие каждый день, изменяя ежедневно свою конституцию. Причиной является то, что оно тоже становится старше. Ибо, точно таким же образом, когда ребёнок рождается, он изменяется согласно своему возрасту, далее более отличающийся от юности, вплоть до *Terminum* смерти. Так вот, небо тоже было ребёнком, оно тоже имело своё начало и предопределено к своему завершению, подобно человеку, и смерть в нём и вокруг него. Так вот, поскольку всё изменяется с возрастом, то работы того же самого изменяются также. А если есть изменения в работах, то какова польза для меня, в таком случае, в наказании маленьких детей? По этой причине я говорю о существующих монархиях, из-за возраста небесного свода и элементов. И, кроме того, есть такое множество (*throng*)²³ людей и такое смешение среди них, со всем поведением людей в плотских похотях, как никогда не было прежде, пока мир стоял. Из этого здесь появляется такой *Pressura gentium*²⁴, такой, тоже, как никогда не был прежде: и, исходя из этого, получается медицина, которой прежде никогда не существовало. Поэтому врач может не сделать изменения, как делает тот, кто говорит: я справлюсь по книгам, которые были написаны две тысячи лет назад. Никогда вновь нет той же самой *Causae*: вещи более резки (*biting*) теперь, как философии небес и элементов достаточно подтверждают. Вышеупомянутые *Doctores* медицины должны лучше рассматривать то, что они попросту видят, то, что, к примеру, неграмотный крестьянин излечивает больше, чем все из них, со всеми своими книгами и кранными платьями. А если бы те господа в своих красных шапках услышали то, в чём была причина, то они сидели бы в мешке, полном пепла, как те в Ниневии. Так, я знаю теперь, что в соответствии с этой Защитной Речью и по указанным причинам, я могу описать и дать новые *Nomina* и новые болезни.

ТРЕТЬЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ

КАСАТЕЛЬНО ОПИСАНИЯ НОВЫХ РЕЦЕПТОВ

Но сверх того и вне того, что было сказано, возмущение всё ещё большее среди непонимающих, мнимых и фиктивных врачей, кто говорит, что рецепты, которые я выписываю, содержат яд, разъедающее вещество и экстракт всего, что является пагубным и ядовитым по природе. К такому утверждению и возмущению мой первый вопрос, если бы они были достаточно умны, чтобы ответить на него, был бы, – знали ли они, каков был яд или каков нет, или же в яде нет никакого *Mysterium* природы? Ибо в этом вопросе они не имеют понимания и несведущи о природных силах. Ибо, то, что создал Бог, не наделено ли великим даром во благо человека? Почему тогда яд должен быть отвергаем и презираем, если не яд, но природа ищется? Приведу я вам пример, чтобы вы могли понять мой замысел. Посмотрите на жабу (*toad*), насколько в действительности ядовитой и мерзкой тварью она является: рассмотрите также великий *Mysterium*, который находится в ней, касающийся моровой язвы (*pestilence*). Если тогда этот *Mysterium* должен быть презираем из-за ядовитого и мерзкого свойства жабы, то посмешище было бы это! Кто тот, кто составил рецепт природы? Разве это не Бог? Почему я должен презирать Его *Compositum*, даже через то, что Он смешивает, представляющееся мне неприемлемым? Это Он, в Чьей руке пребывает вся мудрость, и Он знает, куда поместить каждый *Mysterium*. Почему тогда должен я удивляться или позволить себе быть испуганным, так как одна часть является ядом, и презирать другую часть тоже? Каждая вещь должна быть используема для того, чем она назначена, и мы не должны более опасаться её. Ибо Сам Бог – врач и медицина. И каждый врач должен признавать силу Бога, которую Христос истолковывает нам, говоря: И хотя вы пьёте яд, это не причинит вам вреда. Так вот, если яд побеждает, тем не менее, проникая без

²³ “menge”, Sudhoff (1928), p. 136. Byrckmann и Huser оба имеют “meinung”.

²⁴ Т. е., недуг людей.

вреда, когда мы используем его в соответствии с порядком природы, то почему тогда должен яд быть презираем? Кто презирает яд, не знает, что находится в яде. Ибо *Arcanum*, который находится в яде, является столь благодатен, что яд ничего не отнимает от него, и не вредит ему. Не то, что я хотел бы убедить вас этой строфой и Параграфом, или защитить себя в достаточной мере; скорее, это необходимость дать вам дальнейшее объяснение, если я в достаточной мере объяснил яд.

Как получается, что вы видите во мне то, чем вы все наполнены, и укоряете меня за чечевицу, когда дыня находится в вас? Вы укоряете меня за мои рецепты: рассмотрите свои, каковы они. Сначала, к примеру, с вашим очищением. Где во всех ваших книгах есть *Purgatio*, которое не является ядом, или не способствует смерти, или может быть использовано без раздражения, если *Dosis** не придать их надлежащий вес? Так вот, примите во внимание то, что это означает: это – не слишком много, и не слишком мало. Тот, кто принимает немного, не получает яда. И даже если я использую яд, который вы не можете уличить, но если я в действительности использую его и даю его *Dosin*, то я заслуживаю наказания за это, или нет? Это я желаю возвестить всем и каждому. Вы знаете, что Противоядие (*Thyriac*) сделано из змеи *Thyro*: почему вы не осуждаете ваше противоядие (*thyriac*) также, поскольку яд этой змеи находится в нём? Но поскольку вы видите, что это полезно, а не вредно, вы молчите. Если, в таком случае, моя медицина, как находят, не меньше, чем противоядие (*thyriac*), то почему это признаётся новым? Почему это не должно быть таким же хорошим, как и старое? Если вы желаете правильно объяснить каждый яд, что является, в этом отношении, и что не является ядом? Все вещи – яд, и ничего не без яда: только *Dosis* делает вещь не ядом. Например, каждая еда и каждое питьё, если принимаются сверх своей Дозы (*Dose*), являются ядом: результат доказывает это. Я признаю, также, что яд является ядом: он должен, однако, поэтому отвергаться, быть неприемлемым. Так вот, так как ничего не существует, что не является ядом, почему вы исправляете? Лишь с тем чтобы яд не мог принести вреда. Если я тоже исправляю в подобной манере, почему тогда вы расправляетесь со мной? Вы знаете, что *Argentum vivum* является ни чем иным, лишь ядом и ежедневный опыт доказывает это. Так вот, вы имеете это в использовании, вы намазываете пациентов этим, намного более обильно, чем сапожник смазывает кожу жиром. Вы окуриваете своей киноварью, вы моете своей сулемой и не желаете, чтобы люди сказали, что это яд; и всё же это яд, и вы вводите такой яд в человека. И вы говорите, что это целебно и хорошо, это исправлено белым свинцом (*white lead*), как если бы это не было ядом. Возьмите их Нюрнберг (*Nuernberg*) для проверки, *Recepta*, которые вы и я пишете, и увидим там, кто использует яд или нет. Ибо вы не знаете исправления Меркурия (*Mercury*), ни его *Dosin*; но вы намазываете столько, сколько влезет. Я должен попросить вас подумать: могут ли ваши *Recepta*, которые вы говорите без яда, излечить *Caducum*²⁵ или нет, или *Podagram* или *Apoplexiam*; или с вашим сахаром роз (*sugar of roses*), можете ли вы излечить пляску святого Витта и *Lunaticos*, или другие подобные болезни? В действительности вы не излечили их этим, и всё ещё не будете излечивать их этим. Так что это должно быть что-то ещё: почему тогда вы должны быть раздражены мною, когда я беру то, что я могу и должен взять, для чего это предназначено? Я позволю Ему ответить касательно этого, Кто составил это именно так при творении небес и земли. Кроме того, поскольку искусство даёт нам разделение двух антагонистических вещей друг от друга, почему тогда следует говорить о яде, как присутствующем от начала? Рассмотрите все мои *Recepta*, не является ли моим первым принципом то, что хорошее будет отделено от плохого? Разве это разделение не моё исправление? Должен ли я не назначать и не использовать такой исправленный *Arcanum*, поскольку я ничего не могу найти вредного в нём, а вы и подавно? Вы возражаете против моего Витриола (*Vitriolum*), в котором есть великое таинство (*great mystery*), и больше пользы в нём, чем во всех коробках аптекарей. Вы не можете говорить, что это яд; если вы го-

* *Dosis* – приём, порция. Доза лекарства – это количество лекарственного вещества, необходимое для оказания лечебного, профилактического или диагностического эффекта. Соответствующие дозы бывают лечебными (терапевтическими), профилактическими, диагностическими и летальными (*letal* – смертельный). (прим. переводчика)

²⁵ Т. е., эпилепсию.

ворите, что он едкий, скажите мне в какой форме? Вы должны его сделать таким, иначе он не является едким. Если он может быть сделан едким, то вы можете также приготовить его как *Dulcedinem*²⁶, ибо они оба тесно связаны. Как приготовление, так также витриол (vitriol); и то, чем каждый *Simplex* является по своей природе, искусством готовится во многие существа (beings), во все образы и формы, подобно еде, которая стоит на столе. Если человек ест её, то она становится человеческой плотью, если собака, то плотью собаки, если кошка, то плотью кошки. Так это и с медициной: оно становится тем, что вы делаете из него. Если это возможно сделать вредное из полезного, то это также возможно сделать полезное из вредного. Никто не должен порицать вещь, кто не знает её трансмутации и кто не знает, что делает сепарация (разделение) (separation). Хотя вещь является ядом, её можно вполне превратить в не-яд. Возьмите пример от Мышьяка (Arsenic), который является одним из основных ядов, и *Drachma* убивает любую лошадь: сожгите его с *Sal nitri* и он больше не является ядом. Съедение десяти фунтов является безопасным. Смотрите тогда, в чём различие есть и, что приготовление делает.

Но тот, кто расправлялся бы, тот должен сначала научиться так, чтобы когда расправлялся, он не опозорил бы себя. Я вполне могу видеть вашу глупость и простоту в том, тоже, что вы не знаете, что вы говорите и, что вы должны серьёзно относиться к своей никчемной болтовне. Я пишу новые *Recepta*, ибо старые бесполезны. И есть новые болезни, требующие новых *Recepta*. Но отметьте это во всех моих рецептах: чтобы я не взял, я беру то, в чём есть *Arcanum* против той болезни, с которой я борюсь. И отметьте ещё раз то, что я делаю с этим: я отделяю то, что не является *Arcanum* от того, что есть *Arcanum*, и даю *Arcanum* его правильную *Dosin*. Теперь я знаю, что защитил мои *Recepta* хорошо, и что вы браните меня касательно них из-за ваших завистливых сердец, и предлагаете свои бесполезные *Recepta*. Если вы были бы совестливыми, то вы бы оставили это: но ваши сердца переполнены и ваши рты переливаются через край. Я поместил пять *Defensiones* в этой работе: почитайте их и вы найдёте причины, почему я делаю эти *Recepta* от тех же *Simples*, которые вы осуждаете, как являющиеся ядом. Почему я должен заплатить, так как я закладываю основу, которую вы не можете видеть? Если бы вы были опытны в вещах, в которых врач должен быть опытен, то вы изменили бы своё мнение. Но это вы должны помнить: то, что поворачивается во благо человека, не является ядом. Яд только тот, который оборачивается вредом для человека, что не полезно ему, но вредно, поскольку ваши *Recepta* достаточно свидетельствуют, где искусство не рассматривается, кроме как измельчение, смешивание и подливание. При этом именно так я желал защитить и оградить себя, что мои *Recepta* помогают и применяются в соответствии с порядком природы, и что вы сами не знаете, что вы говорите, но используете свои языки, подобно безумному, непонимающему и бездумному.

ЧЕТВЁРТАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ

КАСАТЕЛЬНО МОИХ СТРАНСТВОВАНИЙ

Есть необходимость, чтобы я ответил касательно моих странствований и касательно того факта, что я нигде не живу. Так вот, как я могу быть против этого или навязывать то, что для меня невозможно? Или, что я могу дать или взять от предначертания? И всё же я в какой-то мере должен оправдать себя перед вами, так как я столь много ораторствую, за притеснения меня и высмеивания меня тоже, поскольку я странник и как будто я был бы, поэтому, менее достойным. Никто не должен это превратно понимать, если я должен жаловаться на это. Путешествия, которые я до этого времени совершил, принесли мне много пользы, по причине, что нет мастера в своём доме и нет своего учителя в месте у камина. Так, искусства не все заключены в пределах своей родины, но они распределены по всему миру. Не то, что они находятся в одном единственном человеке, или в одном месте: напротив, они должны быть собраны вместе, разысканы и запечатлены, где они есть. Весь небесный свод свидетельствует со мной, что *Inclinationes* распределены отдельно не только в собственной деревне каждого человека; точнее, в соот-

²⁶ Т. е., сладковатость (sweetness).

ветствии с содержимым высшей сферы, *Radii* тоже устанавливают свои местонахождения.²⁷ Разве это не просто и весьма уместно, что я должен исследовать и искать эти местонахождения, и видеть то, что происходит в каждом из них? Если бы я потерпел неудачу в этом, то я не должен по праву быть *Theophrastus*, который я есть. Разве это не верно, что искусство не бежит за человеком, но должно быть догоняемо? Поэтому я имею основание и разум найти её, а не оно меня. Возьмём пример: Если мы идём к Богу, то мы должны идти к Нему, ибо Он говорит: Приди ко мне. Так вот, поскольку это так, мы должны идти за тем, чего мы желаем. Отсюда следует: если человек желает видеть человека, увидеть страну, увидеть город, узнавать те же самые места и обычаи, природу небес и элементов, то он должен идти за ними. Ибо, для них идти за ним, не является возможным. Так, путь для всякого, кто желает видеть и испытывать нечто, это тот, что он идёт за тем же и со знанием дела спрашивает; и когда дела идут лучше, переходит к дальнейшим испытаниям.

Как может хороший *Cosmographus* делаться в месте у камина, или *Geographus*? Разве наблюдение не даёт глазам истинное основание? В таком случае позволяет основание стать устойчивым. Что в таком случае скажет сушильщик груш в месте у камина? Что может плотник сказать без своего знания наблюдения? Или что может быть засвидетельствовано без наблюдения? Разве Бог не позволял быть увиденным Себя глазами, и не призывал ли Он нас для засвидетельствования того, что наши глаза видели Его? Как тогда должно искусство или что-либо ещё отвергать свидетельство глаз? Я некогда слышал о тех, кто сведущ в законах, как он и написали в их законах, что врач должен быть странником: это меня весьма радует. Причина в том, что болезни странствуют туда и сюда по всей широте мира, а не остаются в одном месте. Если человек желает распознавать многие болезни, то позвольте ему путешествовать: если он путешествует далеко, то его опыт будет большим, и он будет учиться распознавать многие вещи. И если случится так, что он вернётся в лоно своей матери, если, в таком случае, такой заморский гость ступит на свою родину, то она узнает его. Но если она не узнает его, то это было бы издевательством и большим позором, ибо он не смог бы сделать для своего соседа то, чем он звучно гордился зная. Если, в таком случае, то, что я делаю для общего блага, должно быть превратно понято, то это обеспокоило бы меня. Всё же, лишь простофили на подушках (*cushion-sitters*) делают так, кто без саней, экипажа и повозки не могут выйти наружу ворот, и не знает своего искусства, как добраться до обувного мастера за пару обуви, кроме как на заднице и за дукат. Если без дуката ты не можешь ничего сделать для пары обуви, тогда искусство твоё, сама задница и дукат. Они не *Perambulanti*²⁸ также, потому они ненавидят то, чем они не являются. Они ненавидят лучшее, потому что сами они худшее. Так вот, я знаю, что путешествие не портит, но²⁹ улучшает. Разве путешествие не делает каждое действие лучше, разве путешествие не дарует большее понимание, чем сидение у печи? Врач не должен быть скупцом: он должен позволить себе быть замеченным также вдали от дома. Тем не менее, приспособленные, как они есть в мире в мои времена, им не нравится ни путешествовать, ни учиться. Этим людям приносят, постоянно, давая им больше денег, хотя они ничего не знают. Когда они замечают, что крестьяне знают, насколько врач должен быть, они остаются в месте у камина, усаживают себя посреди книг, и едут, тем самым, в Корабле Дураков.

Врач, прежде всего, должен быть *Astronomus*. Так вот, необходимость требует, что его глаза дали ему свидетельство, чтобы он мог быть таким: без этого свидетельства он лишь астрономический болтун. Это требует тоже, что он должен быть *Cosmographus*: не описывать каким образом страны носят свои брюки, но оспаривать более смело, какие болезни они имеют. Хотя это есть вашим намерением и желанием уметь делать костюмы этой земли из того, что вы узнали здесь, и вы освобождаете себя, тем самым, от получения знания иноземных стран, что за беспокойство того врача, искусство которого портной? Поэтому, как вещи теперь упомянутые, долж-

²⁷ Что касается этой концепции, ср. Von Waltershausen, l. c., p. 58 ff.

²⁸ Т. е., скитальцы. Вурцманн, стр. 28, имеет “parabolani”, что показывает одинаковый смысл, ср. сноску 30.

²⁹ “sonder”, Вурцманн, стр. 28.

ны быть испытаны, они принадлежат нам *Parabolanis*³⁰, и связаны с медициной и не отделены от неё. Так, необходимо также, что врач должен быть *Philosophus*, и чтобы его глаза информировали его, чтобы он мог быть таким: если он желает быть им, то он должен собрать вместе со всех сторон, что есть. Ибо, если человек лишь желает кушать жаркое, то мясо исходит от одной земли, соль от другой земли, еда (food)^{30a} от другой земли. Если этим вещам приходится путешествовать, пока они не достигнут тебя, то ты тоже должен путешествовать, пока ты достигнешь того, что не может прийти к тебе. Ибо искусства не имеют ног для мясников, чтобы привести себя вдогонку тебе; и при этом они не могут быть помещены в чаны, и при этом они не могут быть заколочены в бочке. Так вот, поскольку они имеют такую немощь, ты должен делать то, что они должны делать. Английские *Humores* не являются Венгерскими, ни Неаполитано-Прусскими (Neapolitan Prussian), по той причине ты должен идти туда, где они имеются; и чем больше ты ищешь их и больше ты изучаешь их, тем большим является твоё понимание в твоей родине. Итак, также необходимо, чтобы врач был алхимиком: так вот, если он желает быть им, то он должен видеть мать, от которой произрастают *Mineralia*. Так вот, горы не идут вслед него, а должен он идти вслед них. Так вот, где *Mineralia* залегают, там есть искусства (artists): если человек желает искать искусства в анализе и приготовлении природы, то он должен искать их в месте, где *Mineralia* находятся. Как же тогда человек может искать приготовление природы, если он не ищет этого там, где оно есть? Я должен тогда быть обвинён, потому что я бродил среди моих *Mineralia*, и изучал характер и сердце, и схватил в свои руки искусство тех, кто учил меня отделять чистое от шлака, от которого я ожидал много плохого? Всё же я должен повторить философское высказывание, что мудрость презираема лишь несведущими; соответственно, тоже, искусство теми, кто открыто не признаёт его.

Я ничего не говорю о других вопросах: тот, кто ходит туда и сюда, знакомится со многими людьми, наблюдает все виды поведения и обычаи, которые, другой съел бы свою шляпу и обувь, чтобы увидеть. Я ничего не говорю большего, чем это. Разве любовник не идёт далеко, чтобы увидеть красивую женщину? До какой степени дальше для прекрасного искусства? Так вот, разве царица не пришла от края моря к Соломону, лишь для того, чтобы услышать его мудрость? Так вот, если царица стремилась к мудрости Соломона, то какова была причина? Именно это: то, что мудрость – это дар Божий. Где он даёт её, там должен каждый искать её. Так тоже, где он поместил искусство, там должно оно быть найдено. Это показывает большое осознание в человеке, что человек достаточно разумен для поиска даров Бога, где они находятся, и разумеет, что мы обязаны идти за ними. Если, в таком случае, есть обязанность, то, как можно презирать или плевать на человека, кто исполняет это? Верно и то, тех, кто не делает так, имеется больше, чем тех, кто делает: тех, кто сидят у камина, поедая куропаток, и тех, кто преследует искусства, поедая молочный суп. Угловые трубачи (corner-trumpeters) носят цепочки и шёлк: странники едва могут заплатить за тик (ticking). Те, кто внутри стен, в холоде или тепле согласно их желаниям; те, кто в искусствах, не было бы дерева, не было бы и тени. Так вот, тот, кто будет служить животу, тот не следует за мной; он следует за теми, кто идёт в мягком одеянии, хотя они не пригодны для странствования. Ибо Ювенал писал о них, что лишь с радостью странствует, кто не имеет ничего. Поэтому они рассматривают то же самое высказывание и, что они не могут быть убиты, они просто остаются в месте у камина и переворачивают груши. Я думаю, что это похвально и не стыдно, что до сих пор путешествовал по дешёвке. Ибо это я подтвердил бы посредством природы: тот, кто будет исследовать её, должен идти по её книгам своими ногами. Священное писание исследуется через его послания; но природа от земли к земле. Каждая земля – лист. Таков *Codex Naturae*; поэтому его листы должны быть переворачиваемы.

³⁰ “Parabolanis” изначально означали безрассудных парней. Во времена Парацельса этот термин применялся к тем, кто, независимо от их собственной опасности, шли ухаживать за больными, особенно во время моровой язвы. Ср. Du Cange, *Glossarium mediae et infimae Latinitatis* . . . VI, Niort, 1886, стр. 155.

^{30a} “die Speiss”, Huser, стр. 176.

ПЯТАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ

КАСАТЕЛЬНО НЕПРИЯТИЯ ЛОЖНЫХ ВРАЧЕЙ И ЛОЖНЫХ КОМПАНИЙ

Поскольку нет ничего столь чистого, чтобы не было осквернено недостатками, необходимо, чтобы некто должен возвестить об осквернённом и чистом, ибо это подтверждено также в медицине, что есть больше плохого, чем хорошего. Как и Христос, однако, имел двенадцать учеников, и один из них был предателем, насколько же более вероятным это является среди людей, что из двенадцати один едва ли хорош? Причина состоит в том, что, хотя мы должны всё делать по любви, всё же ничего не делается ради любви, но лишь ради оплаты и вознаграждения, из чего исходит корыстная выгода, от которой рождаются ложные врачи в медицине, так что они ищут деньги и не признают заповедь любви. Так вот, когда дело имеет корыстную выгоду в своей цели, искусства подделываются, и работа тоже; ибо искусство и ремесло должны исходить от любви, иначе нет совершенства. Ибо, точно так же мы имеем два вида апостола; один, любящий Христа ради своей собственной выгоды, а потому был дан ему кошелёк корыстной выгоды. Потому он имел свою причину ради своей корыстной выгоды, чтобы продать самого Христа, и ради своей корыстной выгоды, чтобы отправить Его на смерть. Так вот, если Христос должен был Сам страдать, будучи проданным и преданным ради получения корыстной выгоды, то, на сколько больше ложные врачи делают человека хромым и кривым, душат и убивают его, с тем, чтобы их прибыль была увеличена и не затруднена. Ибо как только любовь ближнего остынет, это уже не принесёт ему больше хороший плод; а такой плод, в таком виде рождённый, – ради корыстной выгоды. Итак, мы должны знать, что есть два вида врачей: те, кто действуют ради любви, и ради прибыли, и своими работами они оба известны. Так, те истинные, известные своей любовью и честностью, не терпят неудач в своей любви к ближнему. Нечестные, однако, как и действующие против заповеди, пожинают там, где они не посеяли, и походят на раздирающих волков; они пожинают, так как они желают пожинать, с тем, чтобы их прибыль могла быть увеличена, игнорируя заповедь любви.

Христос даёт примеры: как была куплена жемчужина, как тоже поле было куплено с кладом, это означает, что любовь не в большом, но в малом. Словно он говорил: Если твоё искусство врач, то твоя жемчужина – пациент, а он – поле, в котором находится клад. Так вот, из этого следует, что врач должен продавать то, что он имеет и исцелять больных: так действует любовь к ближнему. Где, однако, это не так, но ты удерживаешь то, что ты имеешь и забираешь также у больного его, так вот, Священное писание никоим образом не следует такому, а потому не может искусство следовать к совершенству в медицине. Ибо мы должны хранить перед нашими глазами, как кошелёк корысти был предоставлен Иуде, а другим апостолам было воспрещено иметь кошельки, но вкушать то, что было поставлено перед ними. Такие приношения, как они исходят от любви: требующие, назойливо домогающиеся, выпрашивающие, недопустимы. Прежде всего, то, что мы должны получить от нашего ближнего, остаётся любовь, а не остаётся наше могущество. А потому из этого следует, что для тех, кто идёт по пути Бога, совершенные работы и плоты произрастают от их талантов, которые дал им Бог. Однако, те, кто делают иначе, чем Священное Писание указывает, те окружены большой скорбью и страданием, а также теми, от кого они ищут прибыль. Кроме того, разве что Бог работает для ближнего против искусства и медицины ложного врача; иначе ни один пациент не излечится от их рук. Пусть никто не будет удивлён, что я не восхваляю наживу в медицине. Ибо, так как я знаю, насколько губительна нажива, так что искусства наживой подделаны, и направлены лишь к видимости и покупке, и что это не может происходить без фальши, – фальши, которая причиняет разложение во всех вещах – поэтому врач должен произрастать не от наживы, но от любви. Этот последний без беспокойства, заботится не о том, что он будет кушать завтра, но рассматривать, как лилии полей обличены, и птицы питаются, а тем более человек, кто ходит по воле Божьей.

Но так как в медицину такие бесполезные люди вовлечены, кто ищет и рассматривает лишь наживу, как такое может быть, что я наставляю их любви, или как это может иметь какое-либо действие? Я со своей стороны стыжусь медицины, видя, к чему полный обман пришёл. Действительно, нет отъявленного приспешника, смотрителя борделя или убийцы собаки (dog-killer),

но желания продать своего человека или собачий жир за золото и исцелить все болезни этим: хотя их совесть подтверждает, что они позволяют излечить лишь одну болезнь среди их всех. Но, принимая во внимание их собственную наживу, они принимают всё, что приходит к ним. Так тоже приходят все ленивые и распутные плуты в медицину, и продают свою медицину, имеет ли смысл её или нет. Теперь тот, кто может наполнить мешки золотом, он восхваляем, он – хороший врач. Так и аптекари тоже, и некоторые парикмахеры берут медицину на себя, поступают и ведут себя несдержанно, будто это была тележка для леса (woodcart), идут в медицину против своей собственной совести, забывают свои собственные души, лишь бы они стали богатыми, подготавливают дома и дом, и всё, что находится в нём, и приукрашают его! Они не обращают внимания на то, что незаслуженно пришло в их руки, если только это есть! И это стало докторским обыкновением – я не знаю, где Писание оправдывает это как правильное – что визит должен стоить гульден, хотя это не было заработанным; и что там есть установленные сборы за осмотр мочи и других вещей. То, что человек сострадает другому человеку и исполняет заповедь, чтобы любить, такие вещи не становятся привычным использованием или обычаем. Нет там больше закона, лишь только хватать, хватать, имеет ли смысл в этом или нет. Таким образом они получают свои золотые цепочки и золотые кольца, таким образом они ходят в шёлковом одеянии, и таким образом показывают свой явный позор перед всем миром, который они считают честью и хорошо подходящий для врача. Хоровод разряженный, подобно картинке – мерзость перед Богом.

Разве не нужно срамиться профессии, которая используется столь полно в противоречии к своей собственной природе, такими некомпетентными людьми? Хотя искусство само по себе является большим сокровищем природы, оно не принимается любым рассмотрением такими некомпетентными людьми. Итак, многие, кто берутся за медицину, и каждый желает использовать её, и не знают её. Они воры и убийцы, он не входят правильной дверью. Их искусство – болтовня и лай, суд поддерживает их, а их плутовство и мошенничество подгоняет их от одной земли к другой, но не обратно. Это случается с ними, как с посыльным, кто приносит чужие новости; куда бы он ни пошёл, он даёт ту же самую проповедь; когда он возвращается, его больше не слушают.

Это печально и плачевно, что такое искусство должно быть заполнено такими неспособными, небрежными людьми, и быть, поэтому, ложным, так чтобы человек не доверял истине в нём; и что это должно дойти до того момента, когда их плутовство столь совершенно проявилось, что никто из нас не имеет хорошего восхваления, но все из нас мыслят одинаково, – что в определённой мере я не могу неправильно истолковывать. Причина такова: Поскольку Иудеи, как никчёмные лживые люди^{30b}, применяют медицины и дорожат фарисейством, кто же тогда должен думать о профессии, которая контролируется такими мошенниками? И поскольку кто-то желает кататься на всех лошадях с одним седлом и не распознаёт болезнь в своей сущности, а то, что приходит в голову каждому человеку, является его искусством, нет там всё же ни опыта, ни истины доказанной. Но причина, почему такое происходит, такова: мир желает быть обманутым. Поэтому медицина заполнена такими мошенниками, кем мир может быть обманут, ибо благочестивый человек такого не делает. Но если бы мир не желал быть обманутым, то медицина была бы заполнена другими. Но, поскольку, мир в некоем роде мало или вообще не учитывается, то она не может терпеть благочестивого в своём присутствии; поэтому нужно подобным вещам быть расположенным подобным образом. Разве не именно это, что человеку должно быть совестно, чтобы быть причисленным или названным таким мошенником? Мало того, что они роются вокруг в медицине, но также и то, что они довольствуются проявлением своего высокомерия; таким образом они утверждают знание и понимание всех *Religiones*; они претендуют на авторитет, чтобы покарать или похвалить все вещи; они бахвалятся знанием всех языков, а когда рассматривают их, они запечатываются пустословием. Некто говорит: небеса воздействуют на такие вещи, и небесный свод является причиной. Я тоже знаю нечто о небесном своде, но я не могу найти в нём то, что лживость в медицине рождается от небесного свода. Но, то я

^{30b} Ср. Введение, стр. 4.

хорошо знаю, что беспечность человека является причиной обмана, и никто не должен обвинять в этом никого, кроме себя. Отныне никто не желает странствовать, дабы стать мастером. Каждый желает летать, прежде чем его крылья выросли. Это обман: каждый действует, но не знает как. Беспечность это, что есть в человеке, то, что он берёт на себя работу, зная, что он не сможет её исполнить. Также, однако, ложный врач думает: Если это не удастся, (как должно в действительности произойти), я могу оправдать себя и отстоять своё мошенничество с Богом, или возложить вину на пациента: так они должны дать тебе деньги, что бы ни случилось. Медицина – это искусство, которое должно быть применяемо с большой добросовестностью и большим опытом, а также с большим страхом перед Богом; ибо, кто не убоится Бога, тот убивает и крадёт в веки веков; кто не имеет совести, тот не имеет и стыда в себе тоже. Нечестивый позор, или, возможно, бедствие, не распознавать таких безбожных людей, и не срубить дерево, которое бесполезно, и бросить его в огонь. Ибо, таковы они и есть: поскольку они видят снисходительность властей и видят тоже, что порой они любят наживу, они после этого подобно блудницам у рва. Поэтому есть необходимость проводить различие между врачами, кто идёт по закону Божьему и теми, кто следует закону человеческому. Один служит в любви, другой для наживы. Так я желаю защитить себя в этом месте, то, что я не имею ничего общего с Псевдо-врачами, и я не благосклонен к ним, но буду способствовать делу вырубки леса. Нет необходимости с моей стороны долго откладывать.

ШЕСТАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ

ОПРАВДАНИЕ СВОЕЙ НЕПРИВЫЧНОЙ МАНЕРЫ И ГНЕВЛИВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Мало нападать на меня в различных статьях, но я, как говорят, странный парень с невежливым возражением, я не умываюсь к удовлетворению каждому, я не отвечаю на все возражения в смирении. Это они считают и полагают большим пороком во мне. Сам я, однако, полагаю это большой добродетельностью и не хотел бы, чтобы это было иначе, чем оно есть. Я одобряю свои манеры весьма хорошо. Однако для того, чтобы я мог оправдать себя относительно того, как моя непривычная манера должна быть понята, обратите внимание: я по характеру не фантазирую деликатно, также не то, что принято в моей стране для достижения всего красивым фантазированием (прядением шёлка, *spinning silk*, (*Seidenspinnen*)). И не выращены мы на смоквах, ни на мёде, ни на пшеничном хлебе, но на сыре, молоке и овсяных лепёшках. Это не может сделать деликатных парней; мало того, что каждый получает в молодости, не отклоняется от того все свои дни. То же самое есть фактически грубое для нежного, по-кошачьи чистого (*cat-clean*), утончённого. Ибо, те, кто воспитан в мягкой одежде и в апартаментах женщин, и мы, кто выросли среди еловых шишек, не понимаем друг друга хорошо. Поэтому должно грубое быть суждено грубо, хотя тот же самый мыслит себя весьма утончённым и обаятельным. Так и со мной тоже: то, что я считаю шёлком, другие называют тиком и грубым сукном.

Но обратите внимание дальше на то, как я оправдываю себя в этом обвинении, что я даю грубый ответ. Другие врачи мало знают об искусстве; они прибегают к дружелюбным, приятным, услаждающим словам; они советуют людям с пристойностью и прекрасными словами; они излагают всё подробно, прелестно, с внятыми различиями, и говорят: “Приходите вскоре снова, мой дорогой господин; моя дорогая жена, иди и сопроводи господина” и т. д. Я говорю так: “Что ты хочешь? Я не имею сейчас времени; это не так срочно”. Так вот, я расстроил!³¹ Они сделали таких глупцов из пациентов, что они имеют полную веру в то, что дружеские, нежные манеры, пустая формальность, заискивающие обхождения³², значительная суэта, составляют искусство и медицину. Они называют его ‘молодой господин’, кто лишь пришёл от лавочника; они называют другого ‘Господин, умнейший Господин’, кто является сапожником и тупицей, где я говорю ‘Ты’; но с этим я выбрасываю свои средства. Моё намерение – ничего не приобретать своим языком, но лишь работами. Поскольку они, однако, не придерживаются такого мнения, они вполне могут сказать на свой лад, что я непривычный, странный парень, что я даю ма-

³¹ Huser, стр. 183: “Jetzt hab ich in den Pfeffer gehohlet”, что не поддается буквальному переводу.

³² Ср. Sudhoff (1915), стр. 37, сноска.

ло хороших советов. Веры у меня нет в кормлении себя дружескими ласками, а потому я не могу использовать то, что мне не подходит, ни то, чему я не научен. Ибо нет необходимости использовать такую лесть и ласково ладить с каждым хамом³³ тому, кому не место убирать уржай в навозной тачке. Медицина должна быть такой, чтобы врач мог отвечать согласно своей плоти и крови, обычаям своей страны и своего собственного характера: резко, грубо, строго, нежно, мягко, добродетельно, дружелюбно, деликатно – согласно тому, каков он по характеру и приобретённой привычке. Но пусть это не будет его искусством, но лишь самым коротким ответом. И далее по мере работ! Это путь улаживать дела (oil the wheels)!³⁴

Таким образом, я считаю, что в этом отношении я достаточно защитил себя. Всё же, случается, что я имею другие непривычные особенности, например, по отношению к больным, если они не следуют моим предустановленным предписаниям. Любой может судить, что такие непривычные особенности не являются необоснованными, с тем, чтобы медицина могла быть найдена правильной, пациент стал здоровым, а я мог, всё же, мог остаться без вины. Горлица (turtle-dove) рассердилась бы на такого ничтожного бестолкового человека (lousy muddle-heads).

Есть ещё одно недовольство против меня, отчасти в отношении слуг, которые оставили меня, отчасти, также, касательно моих Учеников, что никто из них не мог остаться со мной из-за моих непривычных особенностей. Так вот, отметьте мой ответ: палач взял у меня в своё покровительство двадцать одного слугу, и удалил их из этого мира, Бог поможет им всем. Как может человек оставаться со мной, когда палач не оставляет его со мной? И что моя непривычная особенность сделала с ними? Если бы они избежали пути палача, то это было бы истинным искусством. И есть ещё некоторые, которые, при этом, шли в ногу со мной и, к тому же, избежали палача; и в отвержении меня, они оправдали себя, ибо я был непривычный, никто не мог сладить со мной. Но, как же мне не быть непривычным, когда слуга является не слугой, но хозяином? Он ищет для себя выгоду, разоряет меня этим, позорит меня и радуется этому. Так, они лгут обо мне пациенту, они принимают их за моей спиной, без моего ведома и согласия, заключают с ними договор на половину денег, говоря, что знают моё искусство, перенявши его от меня. После такого вероломства они не могут и не будут со мной, ни с пациентами тоже. Впоследствии, когда я слышу об этом, плутовство – это сделка. Пусть каждый рассудит, насколько честна эта сделка! *Doctores*, парикмахеры, банщики, ученики, слуги и работники тоже, делали такое со мной. Должно ли это сделать меня агнцем? Волк должен быть итогом, в конце концов! Более того, я должен идти пешком, в то время как они едут. Ибо это всегда меня утешает, что я задерживаюсь и остаюсь, когда они убегают и понимают своё вероломство. Не меньше *Doctores* жалуются на меня, и не без оправдания. Ибо говорить правду больно тому, чья хитрость раскрыта. Сколько, однако, есть, кто об этом говорит хорошее, относительно меня? – они тоже *Doctores*. Так и аптекари, тоже, враждебны мне; они говорят, что я странный, чудаковатый и т. д., никто не может сделать правильный вывод в моём мнении. Всё же для меня, все могут делать правильно, кто действует справедливо. Но в отношении дачения *Quid pro Qito*³⁵, *Merdum pro Musco*³⁶ – не годится мне признавать *Quid pro Quo* книгу странствующих учёных, чтобы принять её, даже не позволить её использование. Кроме того, из того, что они дают мне сами, и треть не хороша, порой, и впрямь, нет ничего хорошего. А то же самое, порой, не то, что они говорят. Должен ли я представлять моему пациенту *Quid pro Quo*, хотя бы даже оно и бесполезно? При этом я должен придти к позору, мой пациент к бедствию, возможно даже к своей смерти. Когда я утверждаю это моим врождённым способом, который я считаю и полагаю весьма дружественным, бездельники³⁷ называют это злобной, непривычной манерой. Другие *Doctores* не делают так, я один так делаю. И к тому же, я пишу короткие рецепты, не сорок-шестьдесят ингредиентов, я прописываю лекарство мало и редко, я не опорочиваю их ящики для

³³ Ср. там же, стр. 38, сноска.

³⁴ Huser, стр. 184: “das heist dem Rappen Muss in das mau! gestrichen”. Фраза не может быть передана буквально. Что касается смысла, ср. *Schwiserisches Idiotikon*, VI. 1909, col. 1169.

³⁵ Ср. Введение, стр. 4.

³⁶ Т. е., навоз в качестве мускуса.

³⁷ Ср. Sudhoff (1915), стр. 39, сноска.

них, я не приношу много денег на их кухни. Всё же это их дело (бизнес), за которое они клеветают на меня. Так вот, судите сами, кому я должен больше всего? Или кому я закладывал себя в качестве *Doctor*? Чтобы помочь аптекарю опустошить его сумки на его кухне, или пациенту, с кухни для его пользы? Так вот, смотрите, дорогие господа, насколько я странный и в каком бедственном положении моя голова! Если я буду защищать свою злобную манеру до конца, то они будут краснеть от стыда и хмуриться. Ибо говорить о тех, кто таким образом обвиняет меня и критикует меня, потому что они думают тем самым унижить меня, принесёт слишком много их плутовству, чтобы пролить свет на них, и весьма навредит им со всеми благочестивыми судьями и следователями. Если бы я сейчас напал на некоторых парикмахеров и банщиков и обнаружил то, что у них есть против меня, почему они называют меня чужаком и странным человеком, то я скорее думаю, что их было бы немного, и они платили бы очень много, как некоторые другие были, которых я упомянул. А потому, поймите меня в этой шестой защитной речи, что вы, слушающие такие вещи, можете измерить их истинным суждением и истинным сопоставлением; и помните, что не всё происходит от чистого сердца, но и от мерзости, которую их рты повторяют, прославляющие себя и принижающие меня.

СЕДЬМАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ

НАСКОЛЬКО Я ТОЖЕ НЕ ЗНАЮ ВСЁ, НЕ МОГУ И НЕ В СОСТОЯНИИ СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО КАЖДОМУ НЕОБХОДИМО ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ НЕОБХОДИМО

Должен я признать, что я не в состоянии удовлетворить и исполнить желание каждого, которое он непременно и без сомнения, хотел бы иметь от меня: этого я не могу сделать, и это не в моей власти. Ибо Бог не создал медицину таким образом, согласно своей воле, чтобы она могла действовать немедленно по воле всех желающих. Если, в таком случае, Бог не дарует и не даст таким людям ничего, то, как я смогу помочь им? Ибо я не могу одолеть, ни преодолеть Бога, но Он меня и всех других. На это все отвечают одинаково: если бы они были согласны с Богом или угождали ему для исцеления, то Он не отрешил бы природу от них. Это, то же самое, как тот, кто считает себя прекрасным, статным парнем и желает выделиться перед всеми остальными, и хочет, чтобы все женщины и девицы были благосклонны к нему. Но он был рождён кривым, имеет горб на своей спине, подобно лютне (*lute*), и в других отношениях он тоже не имеет милловидности тела. Как могут женщины благоволить тому, чья собственная природа не благоволит ему, но уродует его в утробе матери и ничего хорошего не делает для него? В целях, однако, чтобы я мог наставить вас лучше, знайте вы, что если Бог не дарует пользы человеку, то как тогда природа должна даровать ему хорошее? Где обе благосклонности отсутствуют, какова польза врача? И кто может его винить? Так вот, они говорят, когда я прихожу к пациенту, я не знаю непосредственно, что его беспокоит, но я нуждаюсь во времени, чтобы это выяснить. Это правда. То, что они осуждают немедленно – это вина их глупости; ибо, в конце концов, первое суждение ложно, и день ото дня понимают, чем дольше, тем меньше, что это такое, и делают из себя лжецов. А я хочу подойти со дня на день, чем дольше, тем ближе к истине. Ибо со скрытыми болезнями это не так, как с распознаванием цветов: в цветах хорошо видно, какой чёрный, зелёный, синий и т. д. Но если бы перед ними был занавес, ты бы также не знал. Чтобы увидеть через занавес, необходимо приложить усилие там, где раньше такого не было. То, что видят глаза, может быть оценено сразу, но то, что скрыто от глаз, напрасно задумываться, словно оно просматривается. Возьмём пример с рудокопа: каким бы хорошим, искренним, искусным, умным он мог быть, когда он впервые видит руду, он не знает, что она содержит, на что она способна, как она должна быть очищена, обжаривать её ли, расплавлять ли её, очищать ли её, или прожигать её. Сначала он должен отфильтровать её, испробовать несколько испытаний и экспериментов, и посмотреть, что делать. Затем, когда он просеет³⁸ её хорошо, он может начать с определённого образа действия: так и надо, так это должно быть. Так тоже и в скрытых, затяжных болезнях: заключение не может быть сформировано так быстро – (если только это не

³⁸ Ср., там же, стр. 41, сноска.

будут гуморалисты). Ибо невозможно найти собаку так быстро, ни кота на кухне; насколько не так в опасном, тайном деле? А потому рассмотрение, суждение, проверка вещей столько, сколько необходимо для эксперимента, не должно быть обиды. Тогда к нему с истинным искусством: вот в чём превосходство, вот в чём ценность, вот как следует лечить такие болезни. Но гуморалисты не проверяют экспериментом, но расспросами и Пробами (Proofs) Читателя. А потому многие убегают на кладбище, прежде чем они выяснят, и даже тогда они не выяснят. Такое вот их искусство; и должно такое искусство судить меня? Я не могу всё сделать. Что могут они сделать, кто думает, что ничего не имеет значения, но, то излечено их Summa³⁹, т. е., их Авиценной, их Rabbi Moises⁴⁰. Быстрая работа (short work), какой бы результат не был: это их *Aphorismi*, которые вполне заканчиваются на кладбище.

Почему вы бросаете это мне в лицо, если я не могу излечить невозможное, когда вы не можете излечить возможное? Но, скорее, вы разрушаете это, так чтобы я мог построить заново. Как я могу вылечить отрезанное сердце, вновь возвратить высохшую руку? Кто мог, хоть когда, светом природы соединить смерть и жизнь, и объединить их, так чтобы смерть получила жизнь? В действительности это не является природным, но божественным. Как я должен делать такие вещи, когда вы не можете излечить раны, в которых нет смерти, если не считать того, что вы приглашаете? Вы дальнорезки, вы видите вдалеке, но не непосредственно вблизи. Я удостоверяю это, что касается вашей совести, что она учит и наставляет вас, и то, что делаете и действуете против неё, и прославляете себя тем, что приносит вам позор. Ибо вы имеете медицину от Бога, с помощью которой изгоняются все возможные вещи; вы могли бы сделать это, но неспособны. Почему же вы обвиняете меня в том, что я ничего не делаю для невозможных болезней, и что для них никакая медицина не дана мне, и ни создана? Знайте, в таком случае, дальнейшее завершение этой защитной речи. Как я могу вылечить возможные вещи, когда они поддерживаются в магазине аптекаря? Когда шторм поражает кухню, кто может кушать там? Как шуба может быть для выстрелов, а оружие для холода? Как я могу лечить с *Quid pro Quo*, которыми вы разрушаете всех своих пациентов? Вам необходима удача, чтобы быть успешным с *Quid pro Quo* и завершить лечение. Кто может довести до конца с ложными снадобьями, для чего лишь истинные подходящие? Кто может закончить то, что он вознамеривался делать с зелёными травами, когда ему дают заплесневелые травы? Кто может перенести даваемое *Succum Tithymalli* для *Diagridium*⁴¹? Кто может перенести или вытерпеть даваемое *Picem Calceatorimm distillatam pro oleo benedicto*⁴², и вишнёвую кашу, смешанную с *Thyriac* для *Mithridatum*⁴³? А если бы должен был рассказать правду о вашем *Simplicia* и *Composita*, как того требует необходимость, то куда это привело бы меня?

При этом я желаю защитить и оградить себя в последний раз до дальнейших провокаций, которые, если будет угодно Богу, будут также возвращены ударом на удар.

И при этом, тоже, я желаю просить лишь, чтобы благочестивая и беспристрастная истинная совесть не должна беспокоить себя моими писаниями. Ибо необходимость требует, чтобы я ответил. Ибо Христос тоже отвечал и не молчал. Ибо каждый должен знать, что ответ справедливый и надлежащий, дабы те не проявляли полную бездеятельность, и ни ослепляли себя праздными разговорами, кто живёт и наслаждается праздными разговорами. Если бы им не ответили, то они выиграли бы дискуссию и считали бы себя правыми, и впоследствии было бы больше заблуждений, вздора, несчастья и искажения. А потому ответ соответствует ожиданию настоящего и будущего искажения и разоблачению того, каковы пустословы. По таким причинам, как эти, в таком случае, я был рад ответить и защитить себя от всех тех, чьи сердца полны недоброжелательности, что обе стороны могут проявить. Ибо неизбежно, что пороки приходят; но горе тому, через кого они приходят! А именно, неизбежно, что лжецы говорят вопреки исти-

³⁹ Вугckmann, стр. 48. Ср. Sudhoff (1928), стр. 412.

⁴⁰ Т. е., Маймонидами (Maimonides).

⁴¹ Т. е., сок молочая (spurge) для скамония (scammony).

⁴² Т. е., дистиллированный дёготь сапожника для *oleum benedictum*, последнее, которое, было составным лечебным средством.

⁴³ Т. е., составное противоядие.

не; но горе им, ибо истина раскрывает ложь. Если бы они молчали касательно своих пороков, то истина тоже бы молчала. Но, так как это неизбежно, ложь и порок не в состоянии, и не могут быть молчаливыми; это должно быть сказано, но горе им. Ты, читатель, однако, должен рассмотреть и измерить все вещи более справедливо, чтобы твоё чтение могло принести тебе плоды, пользу и благо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, Читатель, ты в некоторой степени понял меня в этом ответе и прекрасно видел, что оспаривал со всей мягкостью. И ты сам можешь прекрасно судить о том, что легкомысленные и никуда не годные люди говорят и делают. Ты также можешь вспомнить, что всё это началось лишь с врачей и затем подумать, в какой манере люди медицину предоставляют, какая неравноценная пара – Подалирий (Podalirius)⁴⁴ и Аполлон, и теперь те, сегодняшние. Разве природа не могла бы быть встревожена такими обстоятельствами? Ибо природа знает своих врагов очень хорошо, как собака знает бьющего собак. Священное Писание в достаточной мере подтверждает, какая медицина должна быть превознесена, и какого врача почитать. Но разумно предположить, что упоминание связано с Гиппократом, Аполлоном и Махаоном, кто исцеляли истинным духом медицины, выполняя *Prodigia, Signa* и *Opera*, и, представляя в качестве света в природе. Моя простая голова прекрасно понимает, что Святое Писание не подразумевает тех, кто без работ, пустословов, ни *Mercenarios*, но тех, кто ступал поступью Махаона. Хорошо отметить в вышеупомянутых писаниях, что есть боль и тяжёлый труд на земле. Но я полагаю, что если бы власти имели бы такое научение хорошо распознавать эти вещи, и находились бы больные в той же самой больнице, то было бы более дружелюбное внимание к добрососедской любви. Похвальная провинция Каринтия сохранила это в памяти и представляет Меценатов (Maecenas), и даёт *Asylum Hippocraticorum* в наши времена, защищая и укрывая. Ибо, это может Бог дать воздаяние, мир и единство. Аминь.

⁴⁴ Bурckmann, стр. 51.